

Пролог

ХУДОЖНИК

*Байкал. Деревня Листвянка.
Деятнадцатый год метеоритного дождя*

«Глеб!» — меня выбрасывает из сна, словно катапультий, но я все же успеваю сдержать рвущийся наружу крик. Впрочем, какой там сон, так, короткий провал в беспамятство. Сплю я в последнее время отвратительно. Большую часть ночи лишь дремлю вполглаза или лежу на спине, тупо пялясь в потолок, и только изредка проваливаюсь в тяжелое забытье, в сумме набирая часа полтора сна за ночь. И так продолжается уже две недели. Будь я обычным человеком, а не сувайвором, такой режим меня быстро доконал бы, но мой особенный организм пока держится. Рите не говорю — зачем ее беспокоить, ей и с Глебовыми кошмарами головной боли хватает.

Я не помню, что за сон видел перед самым пробуждением, но он определенно был связан с сыном. А еще он был каким угодно, только не позитивным. Что-то плохое случилось в этом сне, и именно с Глебом.

Мои сны... О, если б можно было от них просто отмахнуться! Как я скучаю порой по тому времени десять лет назад, когда кошмар был всего лишь кошмаром — после пьянки, или после похода в Зону, или... да мало ли может быть причин для плохого сна! Вот сейчас, например. Я уже долгое время дергаюсь из-за кошмаров моего сына — сына сувайвора и «лояльной». Потому что кошмары нам подобных — это не просто так. Для них не придумаешь естественную причину и не успокоишься. Потому что с нами ВСЕ непросто. В который уж раз убеждаюсь, что Зона никогда не отпускает нашего брата совсем. Восемь лет назад, когда я послал лесом Посвященно-

го-Катаева с его предложением о сотрудничестве, я надеялся прожить спокойную жизнь со своей семьей.

Наивный глупец! Спокойная жизнь — не для таких, как мы. Своим отказом я обеспечил нам восемь лет, и это еще до фига щедро. Надеяться на большее было бы уже излишним оптимизмом. Прошлое настигло нас, пора это признать. И то, что сейчас происходит с Глебом, — первый признак. А моя бессонница и сегодняшний кошмар? Второй этап? Зря я подключил Светлану. Она не может помочь. Просто не в состоянии. Я пытался залепить пробойну скотчем, но только потерял время. И сейчас что-то случилось. Мой внутренний голос твердит мне это без остановки, и я больше не стану его затыкать.

Осторожно, чтобы не разбудить жену, я выбираюсь из постели. Тихо сгребаю со стула свою одежду, а с тумбочки смарт и на цыпочках выхожу в коридор. Хорошо, что я всегда смазываю дверные петли по всему дому. Ни одна не скрипит. Вызываю Светлану. «Абонент выключил телефон или находится вне зоны действия сети». Черт! Сжимаю зубы. Предчувствия меня не обманули — началось. Нельзя было разрешать Глебу ночевать в ее доме. Утратил я бдительность за восемь лет, расслабился. Теперь буду расхлебывать.

Быстро одеваюсь. Надо ехать туда. Ключи от машины... Твою мать! Остались в спальне. Тихо открываю дверь и... натыкаюсь на тревожный взгляд сидящей на кровати жены.

— Тема, что происходит?

— Ничего, Рита. Не спится что-то. Решил прокатиться.

Ее глаза начинают искрить.

— Мне-то мозги не парь! Думаешь, я деревянная? Что-то с Глебом, да?

Вздыхаю. Впрочем, может, оно и к лучшему — в паре с женой у меня все получается лучше, чем в одиночку.

— Одевайся. Едем к Свете.

Рита чуть бледнеет.

— Вообще-то ночь на дворе.

Кидаю взгляд на часы, вижу на них 4:30 и мысленно черты-хаюсь. Но меня уже ничто не способно остановить.

— Разберемся! — бросаю я, беру ключи от машины и выхожу в коридор.

* * *

Ехать недолго, и дорога пуста, так что по пути пытаюсь дотянуться до Глеба ментально, почувствовать его. Обычно это получается, но иногда наш сын наглухо закрывается, будто запирает свое сознание в черный ящик. Он это делает инстинктивно, умеет же как-то! Для нас с Ритой эта его способность до сих пор остается загадкой. Мы понятия не имеем, откуда она у него взялась. Решим на гремучий коктейль, созданный смешением наших с ней генов.

И то, что сейчас я не могу до него дотянуться, одновременно и тревожит, и немного успокаивает. Если бы Глеба куда-то увезли против его воли, он бы не закрывался, а наоборот — вопил бы о помощи во всех диапазонах. Вот разве что его вырубил и держат без сознания. Последняя мысль вызывает волну страха, и я непроизвольно притапливаю педаль газа.

— Легче, Тема! — Рита успокаивающе прикасается пальцами к моему запястью. — Сейчас колдобины пойдут, забыл?

Она права. Снижаю скорость: если мы во что-нибудь врежемся или откусим себе языки, угодив на полном ходу колесом в яму, — легче от этого точно никому не станет.

Но вот наконец и нужный поворот, навороченная дача какого-то крутого из Иркутска, а за ней, в глубине проулка, — незаметный домик с крутоскатной крышей. Там живет Светлана. А во дворе стоит ее «Санта-Фе»... Стояла... Черт! Внутренне закипая, останавливаю машину, выскакиваю, бегу к воротам. Жму на кнопку звонка. Слышу его дребезжащую трель где-то в глубине дома. И все, никакой реакции. Тишина. Впрочем, я к этому готов. Жестом прошу Риту постоять на стреме, отжимаю щеколду дровяного сарая... Полминуты — и я внутри. Дверь в дом закрыта на замок, но для меня с моими кинетиче-

скими способностями это не проблема. Легкое воздействие — запоры отщелкиваются, я вхожу. Внутри порядок. Полный. Никаких следов борьбы, равно как и поспешных сборов и бегства. Все аккуратно. Кровати заправлены, рюкзачка Глеба нет, сумки Светланы — тоже. Прислушиваюсь к эманациям... Ни страха, ни боли. На похищение не похоже совсем. Это что же получается — Светлана куда-то уехала и забрала нашего сына с собой?! И он поехал? С минуту перевариваю эту мысль, пытаюсь преодолеть бурлящий гнев, но лишь до того мгновения, как следующая остужает меня холодным душем. Твою ж...

* * *

Когда я появляюсь из дровяного сарая, Рита уже не находит себе места от беспокойства.

— Ну что?! — сразу кидается она ко мне.

— Они уехали. Оба.

Глаза жены темнеют. Любому становится не по себе, когда она такая: гнев пьющей жизнь — штука очень опасная для окружающих. Но я спокоен.

— Светлана что, похитила Глеба?! — почти кричит Рита.

Криво улыбаюсь.

— Знаешь, дорогая, мне почему-то кажется, что наоборот.

Глава 1

АЛИНА И ЭДУАРД

Таганайская Зона

Им пришлось остановиться: в темноте скакать по курумникам — верный способ переломать себе все, что только можно. Да и отдохнуть надо бы: минувший день почти целиком состоял из безумных гонок на выживание. Правда, камни — не лучшее место для ночевки, но тут всяко спокойнее, чем в непосредственной близости от Топи: хотя бы показатели Н-детекторов не нагоняли страху — излучение более-менее в норме. Ну, по меркам Зоны, конечно. Ан-детекторы тоже молчали. Хотелось бы верить, что эта передышка продлится хотя бы несколько часов.

К счастью, среди многочисленных валунов хватало таких, на которых люди могли разместиться со спальниками, не рискуя свалиться. Алина Хомчик себе, во всяком случае, подобрала и, распределив дежурства, собиралась ближайšie три часа все же проспать, ну или хотя бы попытаться, если удастся выгнать из головы минувший день. Их осталось всего десять из начальных пятнадцати: пятеро оперативников, двое ученых и трое «лояльных». Потери за первый день — треть отряда. Это и так-то кошмар, а если учесть, что они еще далеки от своей цели... Что останется от их отряда к моменту, когда они доберутся до центральной части Топи? И вообще, выберется ли хоть кто-нибудь из них отсюда живым?

Так, твою налево, подруга, ты что это удумала на ночь глядя мрачняка нагонять? А ну, отставить каркать! И без того тошно...

Алина поискала взглядом Эдуарда. Вот он, неподалеку от нее, облюбовал себе плоский, как стол, валун. Маловат, конечно, ноги свешиваться будут, но хоть прилечь можно. Похорошему, ей бы с ним парой слов перекинуться на сон гря-

дуций — тем-то накопилось дай боже. Вот только было у нее подозрение, что от таких разговоров может всякий сон отбить. Да и тишина стояла просто гробовая — ни комариного писка, ни стрекотания кузнечиков, ни шелеста листьев, так что даже шепот будет хорошо слышен всему отряду. А далеко не все, что они с Прохоренковым будут обсуждать, стоит слышать остальным. Нет, с разговорами лучше подождать до утра.

Наскоро перекусив сухпайком и запив его чаем из термоса, Алина принялась обустраиваться на ночь. Она боялась, что тяжелые мысли не дадут ей уснуть, заставив ворочаться на жестком камне, пока не наступит ее очередь дежурить, но неожиданно провалилась в сон, как в омут.

* * *

— Вот никогда ты меня не слушаешь!

— Лешка?!

Он стоит в нескольких метрах от нее и смотрит куда-то вдаль, а у ног его клубится желтая мгла болотного тумана. Алина помнит его прошлое появление и чем оно закончилось. Неужели снова? Морок, фантом?

— Боишься меня? — знакомый голос звучит глухо и в то же время с четко ощущаемыми нотками горечи. — Не веришь?

— А разве у меня нет оснований? — вырывается у Алины, хоть и знает она, что разговаривать с фантомом не стоит: если прямым пси-давлением он с ней не справился, будет морочить словами, которым нельзя доверять. Никак нельзя.

— Ты исходишь из неверного посыла. Не там видишь врагов.

— Ну да, конечно! Ты лучше знаешь. Ведь это ты, притворяясь моим другом, пытался натравить меня на моих спутников.

— Я пытаюсь достучаться до твоих промытых начальством мозгов, Алина, — с легким раздражением произносит «Лешка». — Появись я в своем настоящем обличье, ты бы меня и слушать не стала.

— Настоящем? — цепляется за это слово Алина. — Это в каком же? И прекрати, твою налево, уже стоять ко мне спиной, когда разговариваешь! Посмотри на меня!

Он поворачивается... Лешка как Лешка, только глаза желтые, тигриные, с узким вертикальным зрачком.

— Ты не поймешь, — с огорчением роняет он. — Недоверие, страх, враждебность — вот и все, что я получаю от вашего племени. Вы привыкли уничтожать то, чего не понимаете, и не обращать внимания на то, что вас используют.

— Кто?

— Догадайся с трех раз! — язвительно произносит он. — По чьей воле ты потащила сюда свой отряд?

— Полковник Гнедой?

— Он и те, кто выше. Твой спутник умнее тебя, он уже начал задавать правильные вопросы.

Алину неожиданно охватывает обида и какая-то глупая, детская иррациональная ревность: это нечто, притворяющееся Лешкой, конечно, говорит об Эдуарде. Может, конечно, в его словах и есть доля правды, но менее обидно от этого не становится.

— Так и говорил бы с ним тогда! — вырывается у нее.

— Он закрывается, — с сожалением говорит «Лешка». — В нем слишком много боли. Он никого к себе не подпускает. И нет того образа, который мог бы растопить лед. С тобой образ есть.

— Ну да, нашел дурочку! — сердито фыркает Алина. — Скопировал внешность моего парня и думаешь, я растаю?

— Ты хотя бы говоришь со мной...

— А зря, наверное... Кстати, «с тобой» — это с кем? Ты кто? Измененный? Мутант? Посвященный Таганайского Обломка?

— Тебе обязательна персонализация? Ну, пусть будет разум этого места. Суммарное сознание, так сказать.

— И чего же ты от меня хочешь, суммарное сознание?

— Раскрыть тебе глаза. Вы... — тут желтоглазый слегка запнулся, — люди, привыкли мыслить ограниченно, катего-

рично: тут белое, там черное, тут свои, там враги. Но не все и не всегда так однозначно. Думаешь, ты работаешь на хороших парней? Защищаешь человечество от злобной Топи?

— А на самом деле, конечно, вы тут все белые и пушистые, так? — голос Алины сочится ядом.

— На самом деле... — желтоглазый сделал паузу, — ты и все твои спутники — подопытные крысы, которых запустили в лабиринт и над которыми ставят хитрый эксперимент.

Алина аж поперхнулась.

— Если ты думаешь, что я поверю хоть одному твоему слову...

«Алина!»

Что за черт?! Чей это голос? Вроде знакомый, но звучит словно через подушку. И виски наливаются свинцовой тяжестью. Это-то с чего? Она сейчас спит, и это желтоглазое нечто внедрилось в ее сон и парит ей мозги? А кто тогда ее только что позвал? Или это все просто обычный сон, и она...

«Алина! Проснитесь!»

Какого...

— И очень зря, — нахмурился желтоглазый. — Думаешь, ты сейчас спишь? Да ты всю жизнь словно спишь наяву, Алина, и не желаешь замечать очевидного: тобой двигают, как пешкой на шахматной доске...

Ага, свежо предание. Что ж так голова болит-то, твою ж налево? Ведь не первая же ночевка в Зоне вроде, и никогда...

«Алина, очнитесь, это пси-атака! Он заговаривает вам зубы, в то время как...»

Ментальный голос захлебывается стоном боли, и тут Алина наконец узнает его — Эдуард. И в тот же миг искажается лицо желтоглазого — он больше ничем не напоминает Лешку. Он — воплощенная ненависть, нечеловеческая, безумная. Лицо раскалывается пополам жуткой, от уха до уха, пастью, напоминающей жабыю, только наполненной зубами-иглоками. Затем кожа начинает слезать с него, словно его полили концентрированной кислотой, а под ней... что-то мерзкое, зелено-бурое, то ли растительное, то ли вообще состоящее из

болотной жижи, как те «зомби», от которых они вчера бегали. И боль нарастает. Стремительно, безжалостно.

Алина ставит ментальный щит и изо всех сил пытается дать себе пробуждающий импульс, вырваться из паутины кошмара наяву, но не получается: реальность сна прочна и прилипчива. Она наваливается, гасит попытки сопротивления, пытаясь задушить в своих мерзких объятиях...

«Алина!» — снова Эдуард.

И на сей раз она тянется навстречу, протягивает бесплотную энергетическую «руку», и ментальные «пальцы» Прохоренкова переплетаются с ее... И тут же становится легче, будто к разламывающейся голове приложили пакет со льдом. И мысли проясняются, перестают путаться. Вдвоем они упрочняют ментальный щит, хотя никто не учил их это делать — они же не псионики, в самом деле. Действовать приходится по наитию, но и у нее, и у Эдуарда как-то получается выступить единым фронтом.

Но желтоглазый не сдается. Теперь он уже ничем не напоминает человека. Это чудовищное и омерзительное нечто — помесь колоссальной амебы со спрутом. Щупальца тянутся во все стороны, в том числе и к ним с Эдуардом, а так как ментальный двойник научника уже стоит рядом, Алина естественным жестом, словно каждый день так делает, берет его за руку, и следующий удар Топи они встречают уже полностью совместно. Алина даже на мгновение пугается, ибо слишком тесно сплетаются их сознания, почти как тела страстных любовников, и вот уже невозможно понять, где она, а где он, или вовсе нет уже их по отдельности, а есть лишь единое сознание? Мгновенная вспышка страха перед потерей своей личности тут же отступает, потому что приходит понимание, что это симбиоз, а не взаиморастворение, временная интеграция, когда результат значительно превышает просто сумму составляющих.

Натиск Топи между тем усиливается — в самой середине грязевого спрута-амебы разверзается бездонная дыра-пасть, из которой потоком льется чистая ментальная мощь, которая (Алина это совершенно точно чувствует) просто смела бы их по

отдельности. Поэтому она еще сильнее сжимает ментальную «руку» Эдуарда. Враг невероятно могуч, однако они гнутся, но не ломаются, как тот веник из притчи. Вот только чертова боль все нарастает, и Хомчик уже кажется, что ее голова сейчас взорвется. И взорвалась бы уже, если б не Эдуард. Держаться! Держаться, насколько хватит сил!

Вся ее реальность сейчас сужается до головной боли, пальцев Эдуарда и дыры-пасти грязевой амебы Топи...

Крик! А вернее, ментальное восприятие вопля дикой, необразимой боли. В этот момент Алина с удивлением понимает, что это кричит «амеба», которая полыхает, как связка сухого хвороста, политого бензином. Боль и ментальный натиск мгновенно прекращаются, распадается их с Эдуардом ментальное единение, и Алину выбрасывает в обычную, физическую реальность.

* * *

Но огонь никуда не делся. Он все так же продолжал полыхать — большой костер в нескольких метрах от Хомчик. Костер, еще недавно бывший человеком, вернее, «лояльным». Роман. Псионик. Твою ж налево!

— Топь сломала его, — услышала Алина голос Эдуарда и развернулась к нему.

— Что?

— Я должен был это предусмотреть. — Лицо ученика искажено страданием. — Мощный псионик, под катализатором, казалось бы, самый сильный из нас... Но Топь — ментальный монстр, это своего рода коллективный разум всей биосферы Зоны. Весь вчерашний день она пробовала его на зуб и ночью прокусила-таки, использовала его сверхвосприимчивость к ментальным энергиям. Проломила барьер, использовала его псионическую мощь против нас, дополнив своей. Очень сильный псионик превратился прямо в какого-то... пси-терминатора. Он подавил разум всех здесь, начав с Алекса как самого опасного... почти подавил. Ему требовалось время

на это, поэтому он и говорил с вами... Если бы мы не объединились, он бы раздавил нас поодиночке.

— Почему он сгорел?

— Это я... — каким-то безжизненным голосом произнес Кирилл. На новообращенном «лояльном» пироманте лица не было. — Он... и меня подавил тоже, но потом... его контроль вдруг ослаб, и я инстинктивно...

— Кир, спокойно! — умение в нужный момент включать командный голос не раз уже выручало Алину. Помогло и сейчас. Расклеившийся было вчерашний боец, а ныне — «лояльный», только что спаливший своего товарища, взял себя в руки. Чуть ли не в буквальном смысле, если судить по бледному лицу, сжатым зубам и кулакам. — Ты поступил совершенно правильно — спас всех нас.

Хомчик повернулась к Прохоренкову.

— Я думала, разум «лояльных» подавить нельзя.

— Не вы одна, — хмуро произнес научник. — Но это, похоже, вопрос количественный. Не полный иммунитет, а просто очень высокая стойкость. А тут ментальная мощь Топи, помноженная на разогнанный катализатором разум Романа, дала нужную силу воздействия...

— Жуть! — Хомчик очень захотелось поежиться, но она сдержалась усилием воли. — И что же, теперь в любой момент...

— Нет, — Эдуард криво усмехнулся. — Из всего только что случившегося можно извлечь только один плюс: второго Романа Топи взять негде, а значит, нового взлома можно пока не опасаться.

— Ясно... — Алина помолчала. — А что насчет того, что тут болтал этот желтоглазый урод? Это все была ложь? Он просто тянул время?

Прохоренков вздохнул.

— Если бы...

Лицо Алины закаменело.

— А вот с этого момента...

— Командир! — подал голос Тимур. — Кажется, у нас гости.